

Региональные истоки внешней политики РК

В современной науке о международных отношениях общепризнано, что существование глобальной международной системы накладывает отпечаток на всю международную жизнь и внешнюю политику отдельных стран. Наряду с этим имеет место заметный интерес региональным международным системам, которые по мере усиления темпов глобализации приобретают важное значение и тяготеют в сторону самостоятельности и независимости от планетарной системы. Набирающий темпы регионализм сегодня является одной из основных тенденций развития современного мира. Теоретики международных отношений Ф. Брайар и М. Джалили считают, что несмотря на целостность международной глобальной системы, в ней неизбежны разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в нее, иначе говоря, осуществляются автономно. Таково следствие существования региональных подсистем - «совокупности специфических взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая принадлежность» [223, с. 36]. Основная идея вышеназванных мыслителей заключается в том, что в условиях сегодняшнего мира региональные подсистемы имеют преимущество перед глобальной системой, погашая импульсы, поступающие извне и заявляя свои требования. Иначе говоря, для субъекта международных отношений первостепенна региональная международная система, в которой он находится. Но региональная подсистема не может быть абсолютно свободной от глобальной, поэтому, ставится проблема корреляции между ними. Для Казахстана региональная международная система означает сочетание нескольких региональных подсистем. Центральноазиатский регион в данном случае выступает субрегиональной системой. Важное значение имеет принадлежность Казахстана к постсоветскому (евразийскому) региональному пространству. Также страна постепенно интегрируется азиатской мега-региональной системе. По цивилизационным параметрам центральноазиатские государства принадлежат тюркскому мезорегиону и исламскому макрорегиону. Это определяет сложный, многослойный характер вызовов, поступающих извне центральноазиатской системе международных отношений.

В качестве субъектов международных отношений государства постсоветской ЦА изначально стремились к более самостоятельной роли в региональной политике, каждое из них имеет собственную концепцию внешней политики, стараются действовать согласно своим национальным интересам и стратегии политического и социально-экономического развития.

Система межгосударственных отношений в Центральной Азии (Казахстан – Таджикистан – Кыргызстан – Узбекистан - Туркменистан) базируется не только на административно-правовой, торгово-экономической и политической структурах советского и постсоветского времени, но и на более древних культурно-цивилизационных и хозяйственных компонентах. К ним

относятся различия в характере, степени и времени восприятия ислама народами региона (казахи и киргизы приняли ислам значительно позднее других народов Центральной Азии, в 17 – 18 вв.) и альтернативные типы хозяйственной культуры (земледельческой, оседлой таджикско-узбекской и кочевой, животноводческой казахско-киргизской). Некоторые историки напрямую связывают ряд этнических и пограничных конфликтов в регионе с подобными историческими особенностями [239, р. 239].

В силу геополитических и геоэкономических особенностей ЦА является объектом мировой политики и страны региона подвержены значительному внешнему воздействию со стороны ведущих западных держав. Внешние факторы остаются доминантой в современной стратегии государств центральноазиатского региона. Россия, Китай, США, Европейский Союз являются доминирующими факторами, которые определяют как структуру региональной международной системы, так и внешнеполитические ориентиры стран ЦАР. Сами центральноазиатские государства заинтересованы в инвестициях этих крупнейших международных акторов, посредством чего они втягивается в мировую экономику. Сближение с западными державами мотивируется поддержанием региональной стабильности и стремлением избежать внутренних и внешних конфликтов.

Лидеры в своем региональном пространстве— Иран, Пакистан и Турция, а также Саудовская Аравия стремятся занять, каждая на свой манер, политическую, экономическую, идеологическую и т.п. нишу в регионе.

Начало XXI века ознаменовалось новыми веяниями в геополитической ситуации в Центральной Азии. Усиление борьбы за ресурсы, особенно, за энергоносители в начале XXI века подняло международное значение региона на новую ступень. Накал борьбы за энергоресурсы и законы геоэкономики заставили основных игроков в центральноазиатском пространстве пересмотреть свою политику в отношении региона. Россия «вернулась» политически, военно в Центральную Азию, возможно, даже в роли «собирателя земель». У США обнаружилось желание усовершенствовать свою политику в ЦАР в геостратегической увязке с средневосточным, южноазиатским регионами. Был разработан проект «Большая Центральная Азия», который поставил задачу концептуально и функционально оптимизировать стратегию США в регионе. Европейский Союз, который до этого времени не уделял особого внимания Центральной Азии, заявил о повышении обязательств в отношении Центральной Азии. На период с 2007 года по 2013 год ЕС запланировал вдвое увеличить финансирование странам ЦАР [61, с.7]. Желание европейцев «диверсифицировать схемы поставки и распределения энергоносителей в данном регионе» отображает реалии геоэкономических баталии вокруг энергоресурсов Центральной Азии [61. с.9]. У Китая, который вел себя по-восточному спокойно и невозмутимо по отношению стран ЦАР, появление военных баз США на территории региона вызвало заметный подъем активности. Военное присутствие Америки под боком было расценено в Китае вызов соперника, преследующего далеко идущие геостратегические цели [177,с.131].

Политическая элита этих стран испытывает воздействие извне, со стороны ведущих держав. Импульсы, поступающие из окружающей международной системы, придает внешней политике стран региона многовекторный характер. Все страны ЦАР вынуждены лавировать между «сильными мира сего», стараясь не допустить установления гегемонии или доминирования какой бы то ни было державы в регионе. Зачастую им приходится идти наперекор национальным интересам своей страны, с тем, чтобы угодить великим державам и крупным ТНК, за которыми стоят определенные государства. По мнению ряда экспертов многовекторная внешняя политика стран региона все больше обнаруживает свои пределы [204, с.9]. Это связано с самой логикой эволюции концептуальных, этических основ внешнеполитического поведения государств в контексте дальнейшего хода международных региональных и глобальных процессов.

Внешние игроки играют роль стабилизатора в регионе. Но очевидно и другое. У стран региона создалась иллюзия о том, что многовекторность создает широкое поле для маневрирования и лавирования между различными силами. Ориентированность тех или иных стран на определенные внешние силы при всей позитивности политики многовекторности отдаляет их от своих соседей по региону, создавая ложное впечатление независимости от региональных уз. Возможно, фактор внешних игроков является даже преградой на пути к региональному сотрудничеству и интеграции. Разноуровневые влияния внешних акторов усиливают и поддерживают многофакторность региона. А многофакторность сама по себе подвержена нестабильности, аморфности и непредсказуемости региональной системы безопасности.

Дестабилизирующими факторами в ЦАР являются:

1. Почти за двадцатилетний период независимого развития странам региона не удалось создать стабильную, современную экономическую систему. Плачевное состояние экономик обусловлено непродуманностью рыночных преобразований, промахами в банковской, торговой, производственной сферах. Усилилась сырьевая направленность экономик, которая все теснее привязывает эти страны к внешним акторам.

В экономическом плане для региона характерна усиливающаяся неравномерность развития отдельных республик. Политика либерализации экономик проводилась в течение 15 лет во всех республиках, но с разной степенью успешности и в разных стартовых условиях (гражданская война в Таджикистане и пр.). Сегодня в Центральной Азии происходит явная «поляризация». Здесь все больше выделяются очевидный лидер (Казахстан), «средняки» (Узбекистан, Туркменистан) и аутсайдеры (Таджикистан и Кыргызстан). Разрыв между лидером и периферией в 2007 г. достиг 10-кратного разрыва. По итогам 2007 г. показатели Казахстана – 3710 долл. ВВП на душу населения, Кыргызстана – 490 долл., Таджикистана – 390 долл. [169, с.25-37].

2. Слаборазвитость стран ЦАР напрямую проецируется на социальную сферу. Высокий уровень безработицы, социальная

незащищенность, коррупция во всех вертикалях власти создают скрытые и явные источники угроз внутри государств. Клановость и трайбализм, патернализм, традиционные для этих обществ, в любой момент могут послужить катализаторами социальных волнений и катаклизмов.

3. Нерешенные вопросы границ и анклавов в ЦАР представляют из себя тлеющий очаг конфликтности в регионе. Эпицентр напряженности традиционно расположен в Ферганской долине, где сходятся территории Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. В этом «треугольнике» и сконцентрирована большая часть проблем. Особенно сложными остаются узбекско-таджикские и узбекско-киргизские отношения. К настоящему времени произведена делимитация большей части узбекско-киргизской границы, протяженность которой составляет около 1300 км. Остается, по разным данным, от 30 до 50 спорных участков, по части которых не было достигнуто никакого соглашения. На территории Кыргызстана расположены два узбекских анклава - Сох и Шахимардан с населением, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек. Всего же в Кыргызстане, в основном на юге, проживает свыше 700 тыс. узбеков - 18% населения страны. Как правило, это торговцы, предприниматели, то есть социально активная группа, имевшая и имеющая влияние на центральную власть как в период президентства Аскара Акаева (1991 – март 2005 гг.), при президенте Курманбеке Бакиеве.

Как и все центральноазиатские республики, Таджикистан и Узбекистан возникли в результате национально-территориального размежевания, проведенного в 1924 г. в советской Средней Азии. (Прежде, в Российской Империи, здесь существовало административное деление на Туркестанское генерал-губернаторство, Кокандское ханство и Бухарский эмират.) При этом вначале, до 1929 г., Таджикистан входил в состав Узбекской ССР на правах автономной республики. В 1929 г., после передачи ему Ходжентского округа (Ленинабада), он получил статус союзной республики. Однако в пределах Узбекской ССР остались ряд территорий, включая такие крупные исторические и культурные центры, как города Бухара и Самарканд, основным населением которых, по убеждению идеологов таджикской нации и государственности, были этнические таджики. Споры о культурно-исторической, национальной принадлежности и этих земель, и их жителей не прекращаются на протяжении всего последнего столетия. Так или иначе, немалая часть этнических таджиков оказалась вне границ Таджикской ССР, а затем Республики Таджикистан (РТ). По некоторым сведениям, около 5-6 млн. таджиков проживает в Узбекистане (20-25% всего населения страны), хотя, по официальным данным, их численность там в несколько раз меньше: вероятно, большая часть была в свое время зарегистрирована как узбеки. Более половины узбекских таджиков проживает в экономически отсталых и неразвитых районах Узбекистана – Сурхандарьинской, Ферганской, Кашкадарьинской областях, где уровень жизни значительно ниже среднего по стране. Четко выраженного стремления участвовать в политической жизни среди таджикского населения Узбекистана не наблюдается.

В свою очередь, в Таджикистане имеется крупная узбекская диаспора численностью более 1 млн. человек, занимающая второе место после титульной нации (около четверти населения республики). В отличие от узбекских таджиков, для таджикских узбеков характерно стремление принимать активное участие в общественной жизни Таджикистана, в соответствии со своими интересами и потребностями. Отчасти это проявилось во время гражданской войны начала 90-х годов, когда этнические узбеки оказывали заметное влияние на ход событий в стране [170, с.443-449].

Таким образом, расселение этнических групп таджиков и узбеков практически на 50% не отвечает границам и географическому положению национальных государств – Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. Это создает почву для некоторого недоверия и непонимания. В 90-е годы XX в. между узбеками и таджиками произошло несколько столкновений на этнической почве, самыми крупными из которых стали конфликты 1989 года в Ганчинском районе и 1991 года в Пенджикетском районе РТ [170, с.439-442].

5. Исламский экстремизм пока не перестал быть источником повышенной опасности для региона. (Здесь нужно оговориться, что применяемое в международном лексиконе словосочетание «исламский экстремизм» имеет отношение к деятельности сектантов внутри исламской веры, исковеркающим истинные положения учения пророка Мухаммеда). В конце 90-х годов в регионе заметно активизировалось Исламское движение Узбекистана (ИДУ), организационно оформившееся в 1995 г. и выступающее за насильственный путь создания шариатского государства. Руководителем ИДУ стал Тахир Юлдашев, штаб-квартира первоначально находилась в пакистанском городе Пешаваре, а затем была переведена в Кабул. Командиром военных формирований ИДУ был назначен Джума Намангани, штаб которого располагался в Тавильдаре (Таджикистан). Впервые ИДУ заявило о себе в 1999 г., проведя 16 февраля серию террористических актов в Ташкенте. В 2000 – 2001 гг. боевики организации дважды вторгались в Сурхандарьинскую область Узбекистана и в Баткенскую область Киргизии. В 2001 г. возникла реальная угроза развертывания широкомасштабных партизанских действий исламистов против Узбекистана. В ходе боевых действий на афганской территории ИДУ понесло большие потери, большинство его баз на севере Афганистана были ликвидированы. В настоящее время влияние ИДУ в Таджикистане, Узбекистане, других странах региона сошло на нет. Движение потеряло былую силу и не представляет серьезной угрозы.

Тактика других экстремистских организаций, действующих в регионе, заметно изменилась. Не отказываясь от идеологии «глобального джихада», радикальный ислам в своей деятельности повернулся к местным проблемам, ведя широкий диалог с населением через традиционные общинно-клановые образования и пытаясь взять на себя некоторые социальные функции государства. Сложились две «повестки» и две стратегии радикальных исламских движений. Первая - легальная, массовая направлена на молодежь и

остальное население в первую очередь Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Эта программа не скрывается, в нее вовлекаются десятки тысяч человек, которые, не будучи членами организации, становятся ее пассивными или активными сторонниками. В рамках этой программы и происходит неформальная популяризация идей тех или иных радикальных движений. Вторая, тайная, «повестка» предназначена для узкого круга посвященных. Это программа практического силового захвата власти и создания исламских халифатов на центральноазиатском пространстве путем свержения нынешних светских режимов и физического уничтожения их руководства. Наличие обоих уровней характеризует деятельность Партии Исламского Возрождения – «Хизб ут-Тахрир», которая, начиная с 2002 г., особенно активно действует в Узбекистане и Киргизии, имеет десятки тысяч сторонников, широкую сеть нелегальных и легальных организаций и в настоящее время более влиятельна и опасна для властей, чем ИДУ.

«Хизб ут-Тахрир» проповедует объединение мусульман всего мира в единый халифат, считая западную демократию неприемлемой для последователей ислама. Хотя взгляды «тахрировцев» представляют собой разновидность радикального ислама, эту организацию не везде признают экстремистской. Власти не доказали причастность «Хизб ут-Тахрир» к терактам. Члены этой партии официально и публично осуждают насильственные методы борьбы, а халифат, по их мнению, может быть создан лишь тогда, когда к этому будет готово большинство мусульман.

Особенность распространения радикальных исламских течений в регионе связана тем, что большая часть из них находит питательную почву не столько за рубежом (в Афганистане, Пакистане или на Ближнем Востоке), сколько внутри самих центральноазиатских обществ. На фоне нарастающего социального кризиса, нищеты, безработицы и бесправия немалой части населения (особенно сельского) в отдельных республиках популярность партий радикального ислама быстро растет. Исламисты предлагают пособия, льготные кредиты на развитие мелкого и среднего бизнеса, различную социальную помощь и гарантии через сеть своих легальных структур. Подобные социальные методы широко используются не только «Хизб ут-Тахрир», но и другими местными радикальными движениями, в частности, организацией «Акрамийя», получившей широкую известность после трагических событий в мае 2005 г. в узбекском городе Андижане [169, с.34-37].

На территории Казахстана нет откровенно сепаратистских движений и организаций, которые могут реально угрожать территориальной целостности нашего государства или межнациональному согласию в обществе. Но все же проблемы терроризма, сепаратизма и экстремизма в стране существуют. Эти угрозы носят отнюдь не гипотетический характер, а вполне конкретный и реальный, особенно, имея в виду определенную глобализацию международного терроризма, порожденного взаимосвязанностью политических, социальных и экономических проблем регионов и

международного сообщества в целом.

Сегодня отмечается проникновение на сопредельные территории центральноазиатских республик некоторых религиозно-экстремистских и радикальных политических элементов, призывающих к свержению существующей власти, установлению архаичных режимов, или автономизации некоторых районов страны.

Определенная часть религиозных общин подпадает под влияние миссионеров из зарубежных исламских центров, несущих идеи религиозной нетерпимости. Особенно это чувствуется в южных регионах страны. Так, на территории Южно-Казахстанской и Жамбылской областей зафиксирована агитационная деятельность зарубежного радикального движения «Таблиги Джамаат», создавшего подпольную сеть ячеек. Активизируется также и организация «Хизб-ут-Тахрир» [241, с.57].

6. Проблемы, связанные с большими миграционными потоками, которые представляют угрозу безопасности как странам-донорам, так и принимающим странам. Различия в уровне жизни и других социальных условиях между сопредельными странами стимулируют переселение на постоянное место жительства, временную миграцию трудового или торгового характера. Резкие изменения направлений, численности, организации миграционных потоков застали врасплох страны Центральной Азии и поставили перед ними ряд задач, требующих скорейшего решения.

Казахстан постепенно превращается в крупнейшего регионального импортера рабочей силы. С начала 2004 г. страна конкурирует с Россией как рынок труда, так как является второй страной после России по объемам импорта легальной иностранной рабочей силы на постсоветском пространстве [170, с.66].

Киргизстан ежегодно экспортирует 500-600 тысяч мигрантов (в основном в Казахстан и Российскую Федерацию) и принимает трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана. Киргизия также является страной транзита для мигрантов из Таджикистана и принимающей страной для иностранной рабочей силы из Турции и других стран дальнего зарубежья [242, с.42].

Узбекистан экспортирует от полумиллиона до миллиона мигрантов (по различным оценкам), которые работают в основном в России, Казахстане, немного – в странах дальнего зарубежья (в частности, в Южной Корее), и принимает небольшое количество мигрантов из Таджикистана, высококвалифицированную рабочую силу из стран дальнего зарубежья, в том числе очень немного – из Афганистана.

Таджикистан за последние годы стал типичной страной – экспортером рабочей силы. Трудовая миграция затрагивает более полумиллиона его граждан. Одной из характерных черт миграции из стран Центральной Азии, так же как и из других стран СНГ, является нелегальная занятость.

Расширение нелегальной занятости в странах приема, формирование структур, способов и правил эксплуатации нелегальных работников-

мигрантов из Центральной Азии представляет нарастающую угрозу для республик. Борьба с криминальной миграцией, которая является частью организованной преступности – это первостепенная задача во всех странах региона.

7. Появление американских баз на территории центральноазиатских стран было результатом понимания общих для всех проблем. Однако реальное функционирование этих баз не соответствует согласованным задачам и становится предметом дополнительной конфликтности в регионе.

8. Мировой экономической кризис, начавшийся в 2008 году, обострил социально-экономическую ситуацию в регионе. Кризис во главу угла поставил экономическую безопасность и политика государств региона по преодолению кризиса стала основной составляющей всей системы безопасности в ЦАР.

9. На сегодняшний день доминирующим дестабилизирующим внешним фактором и угрозой для региональной системы безопасности по-прежнему остается афганская проблема. После терактов 11 сентября 2001г. и ввода войск международной антитеррористической коалиции в Афганистан политика иностранных государств по отношению к этой стране стала более сбалансированной и предсказуемой. В некотором смысле страна перестала быть пространством для внешнего вмешательства, какой она была с середины 1990-х гг., и игнорироваться сопредельными государствами, как это было в начале 1990-х гг. Не случайно Боннская конференция подтвердила независимость, национальный суверенитет и территориальную целостность Афганистана. К афганскому урегулированию и восстановлению подключились европейские страны и НАТО. Но программы восстановления Афганистана после разгрома талибов, способные стимулировать возрождение и поступательное развитие афганского общества в итоге прошедших восьми лет так и не реализовались.

Сегодня наркобизнес в Афганистане достиг таких размахов, что стал угрозой не только для близлежащих регионов, но и всей глобальной системы безопасности. По утверждению сотрудников ООН «еще ни одна страна в мире, кроме Китая середины 19-века, не производила столько наркотиков, сколько современный Афганистан». По официальным данным, более 90 процентов опиума, поступающего на мировой рынок, имеет афганское происхождение. Площадь посевов опийного мака в стране превосходит плантации коки в Колумбии, Перу и Боливии, вместе взятых. Только в 2008 году доходы афганских наркобаронов превысят 3 млрд. долл., что по некоторым оценкам, составляет половину ВВП Афганистана [240, с.11].

Финансовая, материальная помощь мирового сообщества Афганистану для восстановления и налаживания экономики пока еще остается неэффективной. В 2002-2006 годах объем донорской помощи Афганистану не превысил 13 млрд. долларов США (обязательства – 30 млрд. долл. США), из которых через Минфин Афганистана получил только около 3,7 млрд. долларов США. По экспертным оценкам, примерно 80 -85 % финансовой помощи

поступает в Афганистан в виде товаров и услуг, причем в основном через неправительственные организации (НПО) и коммерческие структуры государств – доноров. Наряду с этим более 1,5 млрд. долларов США донорских средств пошло на так называемое техническое содействие, что подразумевает оплату труда иностранных экспертов и консультантов в афганских государственных учреждениях. По мнению афганского правительства, эффективность донорской помощи реально не превышает 15-20 %, что в значительной степени объясняется коррумпированностью чиновников в международных структурах, распределяющих финансовые ресурсы, руководителей НПО, а также владельцев иностранных и местных коммерческих организаций, участвующих в реализации конкретных экономических проектов.

За счет поступившей за 5 лет через государственный трастовый фонд по реконструкции Афганистана донорской помощи был реализованы экономические восстановительные проекты на сумму, превышающую 2 млрд. долларов США. По информации Афганского инвестиционного агентства (Afghanistan Investment Support Agency), в наполнении зарегистрированных в истекшем году инвестиционных контрактов на сумму 1,4 млрд. долларов США реальное финансирование осуществлено только на 0,8 млрд. долларов. Примерно 36,5 % частных инвестиций вкладывается в сферу производства товарной продукции, 35,3 % - в строительство, 22,4 % - в сектор услуг, 5,8 % - в сельское хозяйство. В итоге на сферу промышленности приходится лишь 18 % ВВП страны, тогда как на сельское хозяйство – 50 % (в нем занято 75 % населения Афганистана) [243, с.34].

Доля иностранных частных инвестиций в афганскую экономику пока не превышает 30 % суммарного объема частных инвестиций, что связано с нестабильностью внутривнутриполитической обстановки в Афганистане, бюрократическими проволочками и коррумпированностью чиновников, высокими тарифами и пошлинами. Наряду с этим в Афганистане до сих пор слабая нормативно-правовая база инвестиционной деятельности, отсутствует надлежащий механизм гарантирования сохранности частных капиталов.

Примерно 66%-ов расходов на государственные нужды Афганистана Министерству финансов Афганистана удалось покрыть за счет внутреннего налогового сбора, который оценивается в 550 млн. долларов США (320 млн. долларов США в предшествующем году). На реализацию программы по восстановлению и развитию Афганской экономики, финансируемой международным сообществом (бюджет развития), вместо намечавшихся 1,37 млн. долларов США реально поступили около 800 млн. долларов США (58,4%). На этом фоне инвестиционная активность стран доноров в большей степени носит декларативный характер, и говорить о скорейшем восстановлении экономики Афганистана не приходится, очевидно, что на фоне полной разрухи восстановления нескольких центральных дорог, двух-трех электростанций и придания столице страны более благоустроенного вида, дают достаточно высокие проценты роста. Но отсутствие системного подхода к решению экономических вопросов на долгие годы обеспечит

Афганистану полную экономическую зависимость, низкий уровень жизни, и как следствие сохранения очагов не стабильности, наркобизнеса и терроризма. Сегодня не требует доказательства тот факт, что решение любой политической задачи невозможно без формирования достаточной экономической базы.

Нынешняя ситуация в Афганистане характеризуется тенденцией затянувшегося процесса послевоенного урегулирования, а также растущей угрозой дальнейшего усугубления ситуации в стране. Основным фактором данной угрозы становится ныне очевидной не способность США и их союзников поддерживать стабильность на Афганской территории на фоне усиливающейся политической напряженности вокруг Ирана.

В этих условиях остается целый ряд проблем в афганском урегулировании и восстановлении экономики страны, что требует особого внимания мирового сообщества. Среди них, в первую очередь, необходимо выделить очередной заметный всплеск активности движения «Талибан», сумевшего восстановить силы и провести их перегруппировку, против сил международной антитеррористической коалиции во главе с НАТО и США. Свидетельством этого стали самые высокие за последний год потери среди военнослужащих международных сил НАТО и афганской национальной армии в мае – июне текущего года, а также целая серия крупных терактов, включая попытку покушения на президента ИРА Х.Карзая в ходе военного парада в Кабуле в апреле 2008 года. Другим признаком активизации талибов за последние месяцы стало расширение их экстремистко-пропагандистской деятельности с южных и юго-восточных районов Афганистана на северные провинции страны, граничащие с государствами Центральной Азии. В 2009 году на севере и на границе с Пакистаном уже имели место военные действия. Переизбрание А. Карзая президентом страны по результатам выборов 2009 года активизировало недовольных его политикой, что имело немалый резонанс в дестабилизации и так-то плачевной ситуации в Афганистане.

При этом, ситуация в Афганистане заметно осложняется ее тесной взаимосвязанностью с заметно обострившейся за последний год обстановкой в регионе афганско-пакистанского приграничья – т.н. зоне свободных пуштунских племен протяженностью около 2,5 тыс. км. Более того, как отмечают многие зарубежные эксперты, данный приграничный регион за последние годы превратился в один из главных центров международного терроризма, где размещаются и откуда действуют многие тесно связанные с Аль-Кайдой террористические группировки, включая афганский и пакистанский Талибан (и Техрик-е Талибан), а также исламское движение Узбекистана (ИДУ) [244, с.128].

Комплекс военно-политических и экономических проблем современного Афганистана в условиях их нерешенности обладает большим деструктивным потенциалом в отношении интересов международной безопасности. Особенно это касается безопасности государств, которые приходится географическими соседями этой страны. Это относится и к государствам Центральной Азии, и к Казахстану в частности. Поэтому,

Казахстан заинтересован в стабилизации ситуации в Афганистане, что могло бы стать серьезным фактором в обеспечении безопасности Центральной Азии. В то же время масштабы и глубина «афганской проблематики» настолько велики, что ее решение напрямую связано с участием в этом процессе коллективных усилий мирового сообщества.

Многофакторность, уязвимость региональной системы означает ее многократную зависимость от глобальной системы международных отношений. Тем самым страны региона испытывают на себе вызовы глобальной системы, непогашенные региональной системой. Территория РК является самой большой в Центральной Азии. Немалые размеры территории страны имеют значение не только в символическом плане; богатство недр и ландшафта наполняют их ресурсным смыслом. Фактор обширности занимаемой территории налагает на страну ответственность за судьбу региона и выдвигает РК на передовые международные процессы в ЦАР.

Казахстан имеет выгодное местоположение в регионе. Страна граничит с тремя из четырех других центральноазиатских государств и является для них транзитной территорией на пути в Россию и Европу. Если Туркменистан имеет возможность сообщаться с Россией через Каспийское море, то Кыргызстан и Узбекистан, Таджикистан могут выходить на север только через казахстанские земли. Узбекский газ, хлопок поставляются в Россию через Казахстан (тоже самое можно сказать о туркменском газе, центр транзитной поставки которого находится в Узбекистане. От Казахстана в значительной степени зависят транзитные коридоры в ЦАР, также всей Евразии. Если будут реализованы планы развития транспортных путей между Европой и Средним Востоком, то транзитная значимость Казахстана, безусловно, еще больше возрастет. Но такие перспективы требуют от РК ликвидировать в ближайшем будущем неразвитость казахстанской транспортной инфраструктуры. В Казахстане нет ни одной автомобильной магистрали международного уровня, отвечающей мировым стандартам. Железнодорожные маршруты по темпам и объемам перевозок оставляют желать лучшего. Морской флот на Каспийском море только встает на ноги. Выгодное географическое расположение Казахстана в центре Евразии создает ему базу для роли регионального актора, также в некоторых форматах на всем континенте. При проецировании этого на интеграционные процессы получается, что роль катализатора интегрирования в регионе обеспечена Республике географически, пространственно [244, с.143].

Политика Казахстана в ЦАР исходит из понимания того, что интеграция поможет странам региона смягчить интервенционное воздействие окружающей среды и следовать той политике, которая была бы наиболее целесообразно с точки зрения национальных интересов каждого государства. Конечно, говорить об объединительных подвижках в рамках региона пока рано, тем не менее, консультации и достижение единогласия по узловым вопросам региональной или глобальной политики всегда необходимы. Руководители центральноазиатских государств, как ключевые фигуры в

процессе принятия внешнеполитических решений, играют, несомненно, решающую роль в судьбе интеграционных процессов в рамках ЦАР. Их восприятие действительности и взаимоотношения друг с другом автоматически проецируются на все процессы международного характера в регионе. Поэтому, было бы желательным учащение встреч на верхах, в ходе которых постепенно прокладывается путь к взаимопониманию по основным вопросам межгосударственного сотрудничества.

Медеубаева Ж.М.